

Ханна Минанинг асарлари хақида ўз даврида жуда кўп ёзишган. Романнавис адиб, жамоат арбоби Ханна Минанинг номи Нагиб Махфуз, Юсиф Идрис, Ҳусайн Муррув ва бошқаларнинг номлари билан бир қаторда араб дунёсида яхши маълум ва машхурдир. Араб китобхони учун Сурия шаҳарлари – Лазикия, Дамашқ, Ҳалаб аҳолиси билан танишиш кўп жиҳатдан Ханна Минанинг китоблари орқали юз беради, дейиш муболаға бўлмайди. Бундай ҳолат, шубҳасиз, ёзувчининг, танқиднинг зиммасига улкан масъулият юклайди. Танқид кенг омма эътиборига ҳавола этилган муаллифнинг китобларида ҳақиқат нақадар чуқур ёритилганлигини аниқлашга интилади.

Юқорида зикр этилганлардан келиб чиқиб, қуйидагиларни қайд этиш мумкин:

Сурияда замонавий адабиётнинг шаклланиш жараёни роман жанрининг пайдо бўлиши ва ривожланиши билан чамбарчас боғлиқ. Бунда XX асрда ижод қилган баъзи ёзувчилар анъанавий араб романи “Сира” тажрибасини янги талқинда қўллашга уринишган (Маъруф ал-Арнаут) бўлсалар, бошқалари Европа романнавислиги анъаналарига (Шакиб ал-Жобирий) кўпроқ эргашганлар.

XX аср 40-йилларининг ўрталаридан бошлаб Сурия замонавий адабиёти, шу жумладан, дунё тажрибаси таъсирида реал тенденцияларнинг кучайиши билан тавсифланадиган янги жанрнинг ривожланиш босқичи бошланади. Бу даврда Сурия адабиётида ижтимоий мавзуларга нисбатан алоҳида қизиқиш кучаяди, бадиий асарларда жамиятдаги ўрнини тан олувчи ва ўз ҳуқуқи учун курашувчи фаол қаҳрамон образи юзага келади. Шу нуқтаи назардан замонавий суриялик ёзувчи Ханна Минанинг ижоди ўзига хос воқеа ҳисобланади.

ГЕРОИ АРАБСКИХ ПЛЕМЕННЫХ СКАЗАНИЙ «АЙЙАМ АЛ-АРАБ»

МУТАЛОВА ГУЛНОРА

PhD (филологические науки), ТГИВ

Аннотация. В истории изучения мирового эпоса арабский эпос долгое время оставался неизученным, а его специфика иногда была причиной того, что говорили о его отсутствии у арабов. До настоящего времени эпические образцы рассматривались в основном как источники, представляющие интерес лишь для ученых-историков и этнографов. Одним из уникальных образцов раннесредневекового эпического творчества арабов являются племенные предания, известные в арабистике как «Аййам ал-араб» («Дни арабов»). Это собрание устных, а позже письменно зафиксированных повествований является не только уникальным историческим памятником, но и ценным филологическим источником в самом широком его понимании.

Данная статья посвящена изучению вопроса роли и места человека в доисламском обществе, его сущности и достоинств, положительных и отрицательных сторон, получивших художественное отображение в «Аййам ал-араб».

С этой целью были отобраны и проанализированы племенные сказания – «Дни», на основе которых были выявлены главные участники исторических событий – эпические герои, составлена их классификация, а также затронут вопрос прототипа литературных героев в арабской литературе и их влияния на формирование литературных типов на последующем этапе её развития.

Опорные слова и выражения: племенные предания, «Аййам ал-араб», эпический герой, личность, характер героя, психологизм, прототип, литературный тип, персонаж, художественный портрет.

Аннотация. Жаҳон эпосини ўрганиш тарихида араб достони узоқ вақт ўрганилмай келган, унинг ўзига хос хусусиятлари эса, араблар дostonчилиги мавжуд эмас, деган тасаввурга сабаб бўлган. Бугунги кунга қадар эпик намуналар асосан тарихчи ва этнограф олимлар томонидан манба сифатида ўрганилиб келган. Арабларнинг илк ўрта асрларга оид эпик ижодининг энг ноёб намуналаридан бири – арабишуносликда “Аййам ал-араб” (“Араблар кунлари”) номи билан машхур бўлган қабилавий ривоятлардир. Аввал оғзаки ва кейинчалик ёзиб олинган бу ривоятлар тўплами нафақат ноёб тарихий ёдгорлик, балки кенг маънодаги қимматли филологик манба ҳисобланади.

Ушбу мақола “Аййам ал-араб” ривоятларида ўз бадиий аксини топган исломдан олдинги жамият инсонининг роли ва ўрни, унинг моҳияти ва фазилатлари, ижобий ва салбий жиҳатлари масаласини ёритишга бағишланган.

Шу мақсадда бир қатор танлаб олинган “Кунлар” ривоятлари таҳлили асосида тарихий воқеаларнинг асосий иштирокчилари – эпик қаҳрамонлар аниқланди, уларнинг тавсифи ва таснифи тузилди, шунингдек, араб адабиётида бадиий қаҳрамонлар прототиби ва адабиётнинг кейинги тараққиёти босқичида адабий типларнинг шаклланишига унинг таъсири масаласи атрофлича ёритилди.

Таянч сўз ва иборалар: қабилла ривоятлари, “Аййам ал-араб”, эпик қаҳрамон, шахсият, қаҳрамон характери, психологизм, прототип, адабий тип, персонаж, бадиий тасвир.

Abstract. In the history of the world epics study, the Arab epics has long remained unexplored, and this was the reason that sometimes there impression of the absence of an epics among the Arabs. To date, epic patterns have been considered mainly as sources of interest only to historians and anthropologists. One of the unique examples of the early medieval epic stories of the Arabs is the tribal traditions, known in Arabic studies as “Ayyam al-Arab” (“Days of the Arabs”). This collection of oral and later written narratives is not only a unique historical monument, but also a valuable philological source in its broadest sense.

This article is devoted to the study of the role and place of man in pre-Islamic society, his essence and dignity, positive and negative qualities, which have reflected in “Ayyam al-Arab”.

For this purpose, the selection and analysis of tribal legends – “Days” was made, on the basis of which the main participants in historical events – epic heroes were identified, a classification of heroes was made, and the question of the prototype of literary heroes in Arabic literature and their influence on the formation of literary types at the subsequent stage of its development was raised.

Keywords and expressions: tribal traditions, epic stories, “Ayyam al-Arab”, epic hero, personality, character of a hero, psychologism, prototype, literary type, personage, art portrait.

Введение. Исторические предания древних арабов долгое время сохранялись в устной традиции и передавались из поколения в поколение. И лишь в конце VIII начале IX веков арабские филологи стали собирать их в специальные сборники, один из которых получил название «Аййам ал-араб фи-л-джахилийя»¹ («Дни арабов в джахилии»²). Собрание сказаний о подвигах арабских племен – повествование со вставленными стихотворными отрывками – представляет особый интерес и как литературный источник. «Дни» доносят до нас бытовой материал о моральных и бытовых нормах поведения, психологии джахилийского общества. Ценность «Дней» как исторического источника несомненна и определяется не количеством известных в арабской истории и литературе имён, а, прежде всего, жанровыми особенностями отражения реальной жизни, духовных и нравственных

¹ Ayyam al-arab fi-l-djahiliyya. Ta’lif: Muhammad Abu al-Fadl Ibrahim va Ali Muhammad al-Badjaviy. – Bayrut: al-maktaba al-asriyya, 2004. – S. 352. (na arabском yazike).

² Djahiliyya – prinyatoye v arabistike oboznachenie perioda yazichestva na Araviyskom poluostrove.

ценностей. Древнеарабский слушатель не интересовался бы сказанием, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали. С этим и связана популярность преданий, содержащих в себе необходимую долю достоверности, узнавая и переживая которую, читатель или слушатель мог бы отождествлять себя и своих близких с его героями. В преданиях действуют люди, некогда жившие на самом деле, они действуют в реальных обстоятельствах, на своей родине, в определенное время, которому нельзя отказать в историчности. Но более всего от других родов эпоса «Дни» отличаются своей стилистикой, изобразительными средствами, которые приближаются к романным, а объективность «Дней» выражается и в том, как раскрывается в них сущность человека, его достоинства и недостатки.

Исследователи арабской литературы раннесредневекового периода сходятся во мнении, что описания внутреннего мира человека, его чувств и переживаний ей пока не присущи, так как человеческая личность не привлекала к себе столько особого внимания, чтобы стать объектом изображения. И, главным для литературы того периода было изображение не людей, а событий: конфликтов, столкновений, войн, жизненно важных для племен. А человек изображен здесь как бы извне, как воплощение лишь определенных качеств, как это вообще характерно для эпического творчества.

Анализ и результаты исследования. Итак, участники преданий «Айям ал-араб» – это цари, вожди племен, старейшины, прорицатели (кахины), поэты, воины, посланники вождей, женщины-бедуинки и просто люди из племени. Как и все эпические герои, они отважны, храбры, благородны и великодушны. Главные их качества, которые подчеркивают и прославляют «Дни», – это храбрость и отвага. Цари или вожди племени своей смелостью, щедростью и благородством завоевывают уважение своих сородичей.

С первых же страниц преданий можно встретить описание щедрого и великодушного царя: *فدخل هوزة عليه و قص عليه أمر بني تميم و ما صنعوا، فدعا كسرى بكأس من ذهب فسقاها فيها، و أعطاه إياها، و كساه قباغ ديباج منسوجاً بالذهب و اللؤلؤ، و قلنسوة قيمتها ثلاثون ألف درهم، و دعا يعقوب من در فَعَقَدَ على رأسه...¹*

Пришел Хауза к нему и рассказал о положении племени тамим» и том, что они сделали. Тогда Хосров попросил золотую чашу, наполнил её золотом и отдал Хаузе, одел его в парчовый халат, сотканный из золота и жемчуга, и головной убор ценой в 30 тысяч дерхемов, велел принести ожерелье из жемчуга и повязал им его голову...²

В «Дне Захру ад-Дахна» вождь племени описывается как храбрый и щедрый человек:

كان أوس بن حارثة لأم الطائي سيداً مطاعاً في قومه، و جواداً مقدماً...³

Аус ибн Хариса Лам ат-Таи был щедрым и отважным вождем, и все его племя повиновалось ему...

В некоторых повествованиях упоминается о высоком положении и великодушии вождей, например, в «Дне Ман'идж»:

كان زهير بن جذيمة العبسي سيد قيس عيلان، فتزوج إليه النعمان بن امرئ القيس ملك الحيرة لشرفه و سؤده و أرسل إليه يوماً يستزيه بعض أولاده، فأرسل إليه ابنه شاساً – و كان أصغر ولده – فأكرمه و حباه أفضل الخبوة مسكاً و كسئ و قُطفاً و طناقس...⁴

¹ Ayyam al-arab fi-l-djahiliyya. – Bayrut, 2004. – S. 12.

² Poetomu Xauza i poluchil prozvishe «obladayushiy koronoy».

³ Ayyam al-arab fi-l-djahiliyya. – Bayrut, 2004. – S. 109.

⁴ Ibid. – S. 183.

Зухайр ибн Джазима ал-Абси был вождем племени кайс, из-за славы его и высокого положения на его дочери женился ан-Ну'ман ибн Имруулькайс, царь Хиры. Однажды Зухайр отправил к ан-Ну'ману с визитом одного из своих сыновей – своего младшего сына Шаса, и тот с почетом принял его и щедро одарил мускусом, нарядными одеждами, бархатными халатами и коврами...

Старейшины племен – это чаще всего герои почтенного возраста, получившие «боевую закалку» в сражениях и умудренные опытом. Они своего рода «советники» племени, к которым племя обращается в трудные минуты. Так, в "Дне Кулаб ас-Сани" («Второй день ал-Кулаб») старейшина племени Аксам ибн Сайфи не просто советует, а подсказывает беспронимательную стратегию в сражении между племенами:

و لما بلغ تميماً أن مذحجاً و أحلافهم عازمون على غزوهم فزعوا إلى أكرم بن صيفي – و له يومئذ مائة و تسعون سنة – فقالوا له: حَقَّقْ لنا هذا الأمر، فإننا قد رضيناك رئيساً. فقال لهم: «لا حاجة لي في الرئاسة، و لكني أشير عليكم»: لتنزل حنظلة بالدهناء، و لتنزل سعد و الرباب بالكلاب، فأبى الطريقين أخذ القوم كفى أحدهما صاحبه...¹

Когда тамимиты узнали, что племя мазхидж и его союзники собираются совершить на них набег, они обратились к Аксаму ибн Сайфи – в то время ему было сто девяносто лет – и сказали ему: Рассуди нам это дело, мы довольны тем, что ты наш предводитель. На что он им ответил: Незачем мне быть предводителем, я подскажу вам: пусть Ханзала расположится в ад-Дахна, а Са'ад и ар-Рибаб – в ал-Кулабе, и любая из двух дорог будет взята племенем, достаточно завладеть одной из них...

В другом предании «День Ши'б Джабала» старейшина племени, хотя в прошлом опытный и решительный воин, прежде чем дать совет, хочет выслушать мнение каждого из своих соплеменников:

و لما سمعت بنو عامر بمسيرهم اجتمعوا إلى الأحوص – و هو يومئذ شيخ كبير، قد وقع حاجباه على عينيه، و قد ترك الغزو، غير أنه يندب أمر الناس، و كان مجرباً حازماً ميمون النقيبة؛ فأخبره الخبر، فقال لهم الأحوص: قد كبرت فما أستطيع أن أجيء بالحزم، و قد ذهب الرأي مني؛ و لكن إذا سمعت عرفت، فجمعوا آراءكم، ثم بيتوا ليلتكم هذه، ثم اغدوا عليّ، فأعرضوا عليّ آراءكم...²

Когда племя бану амир услышало об их наступлении, собралось оно у ал-Ахваса – в то время он был глубоким старцем, брови его свисали на глаза, и он уже не воевал (совершал набегов) – тем не менее, он улаживал дела людей, был опытен, решителен, тверд и спокоен; они сообщили ему новость, и он сказал им: Стар я уже стал, и не могу принять решение, мнение покинуло меня; однако, если я услышу (мнение), то признаю (его), соберите свои мнения, затем выпитесь в эту ночь, завтра придите ко мне и представьте мне свои мнения...

Главной темой повествований являются столкновения и распри, но, если разобраться, все они являются конфликтами между людьми, возникшими вследствие их интересов и страстей. В каждом конфликте, столкновении проявляется сущность, его истинные достоинства и качества. Все сражения, описанные в «Днях», мотивированы человеческими характерами и их интересами. Не всегда мотивы эти являлись личными и индивидуальными: человеческая личность еще не обособилась от коллектива, племени и в своих поступках руководствовалась его установками. На первом месте у человека того времени – забота о добром имени его племени, о его чести и достоинстве. Во время битвы демонстрируется мужество героя, его сила и сноровка. Этот момент является всесильным и

¹ Ayyam al-arab fi-l-djahiliyya. – Bayrut, 2004. – S. 101.

² Ibid. – S. 268.

определяющим в его жизни, и любое предание состоит именно из этих эпизодов. Герой преданий, как и все эпические герои, не мучается сомнениями и не стоит перед необходимостью выбора. Он лишь исполняет то, что предначертано ему судьбой. В то же время нельзя не заметить наличие в нем крайних противоположностей. Он смел и жесток по отношению к врагам, но верен своему племени и сентиментален, при необходимости готов пожертвовать не только своим добром, но и самым дорогим, что у него есть – своей жизнью.

В одном из преданий «День аз-Зурайн» рассказывается о сражении, разыгравшемся между бакритами и тамимитами. Перед началом боя тамимиты крепко связали двух верблюдов, поклявшись не отступать, пока те не развяжутся. Тогда один храбрец из бакритов Умар ибн Кайс стал на колени и сказал: *«Я буду вашим верблюдом, убейте меня и не отступайте, пока не отступлю я»*. Воодушевленные таким призывом бакриты начали наступление, в котором нанесли поражение тамимитам. В другом же предании «День Акил» рассказывается, что некто по имени Мус'аб ибн Абу Хайр пожертвовал свою руку, чтобы избежать столкновения между двумя племенами, к одному из которых он принадлежал.

Несмотря на то что герои «Дней», наделенные определенными качествами, выделяются среди своих соплеменников, их пока нельзя назвать литературными типами, они, как правило, более жизненны и реальны. Не всегда их поведение и поступки вытекают из их характеров. Например, в «День Кулаб ал-аввал», рассказывается про сыновей ал-Хариса ибн Умара ал-Максура ибн Худжра по прозвищу Акил ал-Мурар, отношения которых расстроились после смерти отца. Между двумя братьями Саламой и Шурахбиллом началась настоящая вражда. Подстрекаемые царем ал-Мунзиром ибн Ма'ас-Сама', заинтересованным в их гибели, братья вступили в войну друг с другом. Во время сражения Шурахбилл объявил своим людям: *«Кто принесет мне голову Саламы, получит 100 верблюдов»*. Тогда и Салама объявил, что отдаст 100 верблюдов за голову брата. Во время столкновения между братьями, Шурахбилл был убит. В итоге Салама, сам спровоцировавший людей на убийство своего брата, испытывает боль и раскаяние. Или же в другом повествовании – «День Рахрахан» – воин благородного происхождения Лакит ибн Зурара оставляет в плену у вражеского племени своего брата Ма'бада, отказавшись заплатить за него царский выкуп. В плену его брат погибает и, узнав об этом, Лакит собирает войско с целью отмщения врагам за смерть Ма'бада.

На первый взгляд, создается впечатление, что описание таких событий направлено на раскрытие человеческой личности во всей ее сложности и противоречивости. Однако, на этом этапе развития повествовательной прозы человек, как личность, еще не привлекал к себе внимания в качестве объекта изображения. Интерес к внутреннему миру человека, его глубоким переживаниям и чувствам возникает позднее, на следующем этапе развития жанра повествований, в сирах (т.е. жизнеописаниях). Такие герои сиры как Антара, Хамза являются результатом обобщения, отбора общего для многих реальных лиц. И здесь уже заметен отказ от изображения отдельного реального лица во всей его индивидуальной сложности и неповторимости, то есть происходит упрощение, так называемая схематизация¹. И в этом отношении «Аййам ал-араб» являются правдивее сир, так как люди, описываемые в них изображены как-бы «ненароком», лишь как участники каких-либо событий, и именно поэтому их описание оказывается более реалистичным.

¹ Muxtarov T.A. Ocherki srednevekovoy arabskoy prozi. Razdel II: Kissat al-amir Xamza al-Baxlavan – obrazes srednevekovogo knijnogo arabskogo eposa. – T., 1992. – S. 115.

Почти каждый конфликт или вооруженное столкновение связано с описанием убийств: *«Затем, усыпив его бдительность, бедуин выпустил в него стрелу, которая, пройдя между лопатками, пронзила его сердце. Потом он пустил коня топтать Зайда, пока тот не умер»* («День Зи Кар»). *«Однажды ал-Харис вышел на охоту и увидел людей из племени Хумур ал-Уахи. Они схватили его, один из них подошел к ал-Харису и стал рассматривать его, затем поклялся, что не возьмет в рот ничего, пока не съест его печень. Три следующих дня за ним гонялись на лошадах, потом его поймали, пожарили и съели его горячую печень»*. («День Кулаб ал-аввал»). Конечно же, с точки зрения современного человека расправа и убийство поражают своей жестокостью. Но, осуждая их, следует помнить, что большая часть этих убийств совершалась из чувства долга – долга мести за убитого сородича. Ведь общество, в котором они жили, не знало еще полиции, тюрем и других органов, отвечающих за справедливое наказание и возмездие. А значит, выполнение долга мести должно было быть обязательным, иначе это общество просто не смогло бы выжить.

Источником конфликтов между людьми в преданиях является не только месть за убийство. К ним относятся все действия, которые можно расценивать как оскорбительные и затрагивающие достоинство бедуина. Так посягательство на собственность, землю, скот, источники воды рассматриваются бедуинами не только как потеря имущества, но и как моральный урон, который несет хозяин в случае безнаказанности похищения.

В «День ал-Барадан» рассказывается, как однажды Худжр ал-Кинди отправился в набег на Бахрейн. Узнав об этом, Зийад ибн Хабула воспользовался моментом, напал на стоянки Худжра и захватил его имущество и женщин. Вернувшись с похода, Худжр сразу бросается в погоню и отвоевывает свою собственность. Кроме того, бедуин исключительно чуток ко всем проявлениям отношения к нему. Незначительный поступок, необдуманно сказанное слово могут вызвать его обиду и тогда, он требует удовлетворения.

В «День Тихфа» рассказывается, что в хирском царстве должность радифа соответствует должности вазира. Радифу полагалось сидеть по правую руку царя на приёмах, он ехал за его спиной при выездах, а на пирах мог пить из царского кубка. Кроме того, ему полагалась четвертая часть добычи царя с каждого похода и дань с подданных. Должность радифа при хирских царях принадлежала выходцам из племени бану йарбу. Но когда эту должность решили передать человеку из другого племени, йарбуиты отказались сделать это и вступили в войну с царем. Выиграв сражение, йарбуиты вернули себе престижную должность.

Или известно, что знаменитая война из-за верблюдицы началась с того, что один из воинов племени джушам – Кулайб ибн Уа'ил убил верблюдицу Сираб. Жена Кулайба – Джалила, утверждая, что её два брата Джассас и Хаммам сильнее Кулайба, провоцирует своего мужа. Он в ярости убивает подвернувшуюся ему под руки верблюдицу, принадлежавшую тётке его жены. Тётя Басус безутешна и требует отомстить за убийство своей верблюдицы, что и стало причиной многолетней кровопролитной войны.

Герой «Дней» смотрит на себя глазами окружающих, ему необходимо их одобрение и уважение. Уже в упомянутом выше «День Захру ад-Дахна» повествуется о том, что однажды один из поэтов Башр ибн Абу Хазим в своих стихах выразил насмешки над Аусом ибн Хариса и его матерью. Узнав об этом, Аус напал на его стадо и захватил верблюдиц, а спустя некоторое время поймал и самого Башра. Мать Ауса – Су'да посоветовала отпустить Башра, справедливо рассудив, что насмешку поэта смоят только его хвалебные стихи в честь её сына. Конфликт закончился тем, что Башр ибн Абу Хазим сказал: *«О, Всевышний, будь свидетелем, что если я сложу когда-нибудь стихи, то только в хвалу Ауса ибн Хариса»*. В еще одном

предании – «Дне аш-Шибак» можно встретить и такую фразу: *«Они убили нашего партнёра и, если теперь ускользнут от нас, арабы вечно будут хулить нас за это»*. Ясно, что бедуин не безразличен к мнению окружающих, он постоянно должен себя утверждать.

Именно в плане самоутверждения героя выступает в повествовании «Первый день Хауза» любовная тема, которая, в целом, не играет самостоятельной роли в «Аййам ал-араб»¹. В этом предании рассказывается как Му'авийя ас-Сулами – брат знаменитой поэтессы Хансы встретил в 'Указе женщину необыкновенной красоты, которую звали Асма ал-Муррийя. Когда Му'авийя предпринял попытку познакомиться с ней, она ответила отказом, сказав, что принадлежит другому мужчине. Разгневанный отказом, Му'авийя пообещал, что отберет её у мужа силой. Между мужем Асмы и её поклонником происходит ссора, а затем и столкновение, в результате которого Му'авийя погибает. Становится понятным, что любовь Му'авийи с первого взгляда не является основной темой, она служит лишь завязкой к последующему ходу событий, приведших к столкновению двух племен и кульминационному моменту повествования – гибели одного из героев. Однако предание на этом не заканчивается, так как далее следует эпизод, повествующий об ответной реакции Сахра на известие о гибели его брата Му'авийи. Хашим ибн Хармала был болен из-за раны, которую нанес ему Му'авийя в поединке. Но, увидев Сахра, приехавшего в его племя, наказал своим людям хорошо встретить гостя. Поздоровавшись, Сахр спросил: *«Кто убил моего брата?»*, на что Хашим ответил: *«Если достанешь меня или моего брата Дурайда, считай, что ты отомстил»*. Тогда Сахр спросил: *«Как вы похоронили его?»* Хашим ответил: *«Его завернули в 2 плаща, один из которых стоит 25 верблюдов»*. Тогда Сахр попросил показать могилу Му'авийи, и, увидев ее, сказал: *«Вы видите мое горе, не успокоюсь я, пока не отомщу за смерть его»*.

На этом эпизоде заканчивается предание «Первый день Хауза» и он же послужил тем композиционным приемом, благодаря которому скорбь Сахра и его желание отомстить легли в основу сюжета следующего предания «Второй день Хауза». Таким образом, мы имеем дело с особым рода сюжетной циклизацией, которая содержит в себе возможность дальнейшего развертывания сюжета и введения новых героев.

На примере этого предания становится очевидным, что любовь в «Аййам ал-араб» не выступает в качестве единственной темы, определяющей сюжет, единственным фактором, руководящим героями, так как герои «Дней» изображены объективно и жизненно. Они не могут жить в мире «чистой любви», «идеализации любовных чувств», они должны жить со своим племенем, отвоевывать водоемы и пастбища, участвовать в набегах и защищать честь своего племени.

Интерес к человеческой личности в рассматриваемый нами период, соответственно иной, чем в настоящее время. Личность в «Днях» изображена несколько расплывчато, она не замкнута в себе самой и резко не противопоставляется другим. Она однозначно противостоит «чужим» – выходцам из другого племени, с которыми данный герой не связан родственными связями или дружеским союзом. По отношению к ним человек занимает позицию настороженности, которая в любой момент может перейти во враждебность. Чужого можно обмануть, ограбить и убить, то есть существует вполне определенная граница между собой и «чужими». Граница эта обильно полита кровью бесчисленных столкновений и стычек. Но отношения индивида со «своими», с членами рода, семьи, с людьми,

¹ Ayyam..., 2004. – S. 221–222.

связанными брачными узами, дружбой, строились совсем на другой основе. К кругу «своих» относились и люди, просившие покровительства у данного племени. Узы между «своими» являлись крепкими и нерасторжимыми, сородичи были обязаны помогать друг другу, защищать и мстить за убитого родственника. Внутри «своих» граница личности диффузна. Противопоставляя себя «чужим», бедуин не может занять такую же позицию по отношению к «своим». Наоборот, он не отделяет себя от них, являясь одним звеном в цепи поколений.

Поэтому так важно, что в каждом «Дне» приводится полное имя героев, указывается имя его отца, сына, название племени, к которому он принадлежит, вплоть до указания местности, где проживает его племя или клан. Например, Худжр ибн Умар ибн Му'авийя ал-Кинди, который был известен под прозвищем Акил ал-Мурар. Он же был дедом известного доисламского поэта Имруулькайса. Читатели того времени, несомненно, знакомились с этим генеалогическим перечнем с большим интересом. Так как с каждым племенем в его сознании была связана какая-то история или поворотное в судьбе племени событие. Это своего рода народная память, которая нашла свое отображение в преданиях «Аййам ал-араб». Перечисление имен в «Днях» на самом деле крайне содержательно, оно служит указанием на многие другие предания, в которых участвовали эти герои. Указание имени человека, людей, связанных с ним родством кровным или брачным, являлось характеристикой этого человека, так как имя включало данное лицо в какую-то общность, в жизнь определенной местности и напоминало о событиях, в которых принимали участие этот человек и его коллектив.

Бедуин не оторван от своего органического коллектива и может быть понят только в качестве члена этого коллектива. Он мыслит категориями целого и смотрит на себя глазами общества. Сознание его индивидуально, он не может дать себе иную оценку, нежели та, которую дает ему общество. Даже в тех случаях, когда он поставлен вне закона и изгоняется из племени, он продолжает смотреть на себя чужими глазами. Он не приемлет того, чтобы противопоставить себя коллективу, и не может принять гордого одиночества, так как изгнание из племени – позор и неминуемая гибель.

В одном из преданий – «День Нахла» повествуется о некоем ал-Барраде ибн Кайс ал-Кинани, которого племя изгнало за пьянство и разгульный образ жизни. Он отправился просить защиты и покровительства у другого племени бану ад-дайн, но через некоторое время и они изгнали его из своего племени, так как он не изменял своим привычкам. Следующий этап его скитаний завершился, когда ему предоставил убежище вождь курайшитов Харб ибн Умайя. Но и в Мекке ал-Баррад продолжил свое пьянство. Тогда и Харб ибн Умайя решил избавиться от неблагодарного гостя. Узнав о намерении своего покровителя, Баррад говорит: *«Ты один из тех, кто, зная меня, еще не изгнал. Если ты сделаешь это, то никто больше не примет меня. Лучше я сам уйду, но не объявляй меня изгоем»*. Естественно, человек того периода не мыслит свое существование вне коллектива. Покидая курайшитов, сам ал-Баррад не теряет надежды примкнуть к другому племени, чего бы он не смог сделать, если бы был в очередной раз изгнан и объявлен изгоем. Помимо этого, личность должна была сохранять самоуважение, то есть пользоваться уважением коллектива, не только «своих» – признание должно быть всеобщим. В случае нанесения человеку любого ущерба: материального физического или морального, достоинство личности ставилось под вопрос. И восстановить душевное равновесие можно было лишь отомстив обидчику.

Предание продолжает повествование о дальнейшей судьбе ал-Баррада. Ежегодно на ярмарку в 'Указ хирский царь ан-Ну'ман ибн ал-Мунзир отправлял караван с различным

товаром. Перед отправлением очередного каравана ал-Баррад вызвался сопровождать его, но присутствующий при разговоре ал-Баррада – Урва ибн Атаба ибн Джа‘фар сказал: «Позор, если караван Хосрова поведет изгнанный». Караван повел Урва, ал-Барраду же было отказано. Обидчик не мог остаться безнаказанным, и ал-Баррад следует за ним. Он настигает Урву и, не внемля его просьбе о пощаде, убивает, чтобы затем самому повести караван.

Так он восстанавливает душевное равновесие, утраченное столь явным к нему пренебрежением. Чувство уверенности бедуин испытывает только после получения справедливого возмездия, что означало признание его общественной значимости либо после осуществления законной мести, восстанавливавшей его честь и достоинство в общественном мнении, а значит и в его собственной самооценке. Интересно, как скрупулезно в каждом «Дне» приводится количество убитых и раненых, оценивается причиненный ущерб – это не просто «голые цифры». Так как размеры полученных компенсаций говорят об их статусе и уважении, которым пользовались: они являются показателями социального престижа сторон. И дело вовсе не в количестве верблюдов, выплаченных в качестве виры (выкупа) за убитых и не в материальном богатстве как таковом. Главное, что размеры этих выплат возрастают по мере возрастания знатности лица, убитого или совершившего преступление.

В «День ас-Сафка» знатный вельможа Хауза ибн Али ал-Ханафи, попав в плен, предложил за себя выкуп 300 верблюдов. Цифра немалая для одного человека. Но социальная оценка лица выступала не только при получении выкупа, но и при его уплате. Таким образом, вельможи знатного происхождения предлагали максимальное возмещение, подтверждая этим свой социальный статус.

Среди многочисленных участников событий важное место занимают и женщины-бедуинки. В них можно найти немало примеров, свидетельствующих о том, что им принадлежала немаловажная роль в жизни племени, их активное участие поддерживало и воодушевляло мужчин племени на подвиги. Знаменитый «День Халимы» получил свое название в честь дочери гассанидского князя ал-Хариса – Халимы, которая считалась одной из самых красивых женщин того времени. Во время столкновений между войсками гассанидского князя ал-Хариса и правителя Ал-Мунзира, ал-Харис обещает отдать в жены свою дочь Халиму тому, кто убьет его противника. Один из отважных воинов этого племени Лабид ал-Гассани убивает ал-Мунзира и получает в жены Халиму. Так по преданию Халима своей красотой вносит свой «вклад» в победу племени. «День Халимы» – красавицы и довольно смелой дочери – вошел в пословичный фонд арабов в качестве поговорки: «Как в день Халимы», происхождению которой наряду с ещё несколькими пословицами, связанными с именем Халимы, даёт объяснение ал-Майдани (ум. 1124 г.) в своём сборнике «Маджма‘у-л-амсал».

Но не только внешностью воодушевляли женщины воинов своего племени. В известном в истории «Дне Зи Кар»¹ дочь ан-Ну‘мана – Хинд, узнав о приближении войска персидского царя Хосрова, ведущего войну с арабскими племенами, говорит:

ألا أبليغ بني بكر رسولا فقد جدّ النفير بعنّ فقير
 فليت الجيش كلهم فداكم و نفسي و السريز و ذا السريز

¹ «Den Zi Kar» посвящен битвам арабских племен с войсками Ирана. Сражение персов и арабов произошло у истоков вод в долине под названием Зу Кар. Убедительная победа североаравийских племен над персами доказала превосходство объединенных сил арабов (См. подробней: Kolesnikov A.I. Iran v nachale VII veka // Srajenie pri Zu Kare / Palestinskiy sbornik. Vip. 22 (85). – L., 1970.).

معلّقة الذّوائب بالعُيُور
إذا لدفعته بدمي وزيري...¹

كأنّي حين جدّ بهم إليكم
فلو أني أطقت لذاك دفعاً

*Разве не достиг племени бану бакр посланник
и не узнали люди о наступающем несчастье,
О, если бы вся армия пожертвовала собой, а с ними я и мои близкие.
И словно связана между ними и Вами волосами Вероники в созвездии*

Близнецов

И если будет нужно, я перережу себе вены, защищая его.

В этом же «Дне» перед самым боем другая женщина-бедуинка сказала:

وَنَفَرُشُ النَّمَارِقِ
فِرَاقٌ غَيْرُ وَاِمَقٍ²

إِنْ تَهْزِمُوا نَعَانِقُ
أَوْ تَهْزِمُوا نَفَارِقُ

*Если вы победите, мы встретим вас с жаркими объятиями,
а если вас победят, то расстанемся мы навечно.*

В уже упомянутой нами войне из-за верблюдицы одна из главных участниц событий – тётя Басус – не пассивная наблюдательница, а напротив, она подстрекает отомстить за убийство своей верблюдицы и ещё больше разжигает вражду между племенами:

О, Са'ад! Не обманывай себя и уезжай.

Я нахожусь в племени, у которого в соседях смерть.

Некому, кроме тебя, защитить стадо...³

Из предания «Первый день Хауза» становится очевидным, что женщина в доисламской Аравии не закрывала лица, т.е. не носила хиджаб, иначе как ее мог увидеть Му'авийя и влюбиться в неё с первого взгляда. Но в преданиях, относящихся к более позднему периоду распространения ислама, уже рассказывается, что женщины стали закрывать лица чадрой. Так во «Второй день ал-Фиджар», повествуется о том, как однажды юноши из племени курайш и кинана увидели красивую стройную женщину амиритку, закрытую чадрой. И когда попросили они ее показать им свое лицо, она ответила отказом. Тогда один из них, решив подшутить над ней, приколол край ее верхней одежды так, что, когда она встала, то показалаась ее нижняя одежда. Юноши засмеялись: «Ты не дала нам увидеть твое лицо, зато мы увидели тебя сзади». Разгневанная амиритка позвала мужчин своего племени, которые преподали урок обидчиками своей соплеменницы.

В доисламский период арабы не допускали фамильярного обращения со своими женщинами, считая это за личное оскорбление. Свидетельством этому служат и предания, например, в повествовании «День Сахбал» рассказывается, что однажды юноши племени бану 'акил встретили девушек из бану ал-харис. Соплеменник девушек заметив, как один из юношей подмигнул девушке из его племени, тотчас же расправился с обидчиком. Для арабов не было большего позора, чем захват их женщин мужчинами из другого племени. Чтобы избежать этого, бедуин мог биться до самого конца, как это было в предании «День ал-Кадид». Здесь рассказывается как предводитель племени бану джушам Дурайд ибн ас-Саммат во время своего очередного похода встретил некоего человека, который вез с собой жену. Дурайд приказал своим людям отнять у него женщину и верблюда. Защитить свою жену, несмотря на то, что силы не равны, было важнее для бедуина, чем его собственная жизнь. Важно отметить, что подобные события описываются в «Днях» лаконично и

¹ Аyyam..., 2004. – S. 29.

² Аyyam..., 2004. – S. 32.

³ Ibid. – S. 117.

сдержанно, что создает ложное впечатление об эмоциональной бедности повествования и речи героев. На самом деле бедуин не произносит длинных монологов о своих чувствах к женщине, его поступки говорят сами за себя.

В уже упомянутом предании «День Зи Кар» содержится рассказ о ссоре персидского Хосрова с хирским правителем арабов ан-Ну‘маном, которая произошла из-за отказа последнего прислать во дворец к Хосрову одну из арабских женщин. Согласно этому преданию у персидских царей были свои требования к женской красоте, и сложившийся к тому времени «эталон» женской красоты выглядел так: *«Посылаю царю прекрасную наложницу пропорционального сложения, с чистой кожей и ртом, белую как лунный свет, с густыми и длинными бровями, черноокою и большеглазую, с орлиным носом и гладкими щеками, вызывающими желания; с густыми волосами и головой правильной формы, маленькими ушами, длинной шеей, с высокой и полной грудью, покатыми плечами и предплечьями, тонкими запястьями и нежными пальцами, с ровными ногтями, с поджарым животом и тонкой талией... милой в компании, не нарывающуюся на неприятности, спокойного поведения, кроткого нрава, с красивой родинкой, ограничивающую общение со своим отцом и обходящуюся без советов родни, прекрасно воспитанную, разумной в суждениях и рассудительной в поступках, с умелыми руками, немногословную в речах, тихим голосом; восхваляющую своего покровителя и порицающую его врагов....»*

...Я рассказывал тебе об их нежелании отдавать своих жёниц другим. Причина этого в их бедственном положении и добровольном выборе голода и наготы вместо сытости и богатого убранства, они предпочтут ветры и самум¹ ароматам твоей земли, даже если их заключат в тюрьму...²»

Эти слова как нельзя более точно описывают арабских женщин, которые готовы терпеть все беды и лишения рядом со своими мужьями и делить с ними все тяготы кочевой жизни.

Однако, в некоторых преданиях, например, «Война Ка‘ба ибн Амра» или «День ал-Барадан» можно найти и рассказы о коварстве и непостоянстве бедуинок. В последнем из них рассказывается, как вождь племен кинда Худжр ал-Кинди отправился в поход на Бахрейн³. Воспользовавшись его отсутствием, правитель Сирии Зийад ибн Хабула захватил всё имущество и женщин племени кинда, среди которых была и жена Худжра – Хинд бинт Залим. Вскоре между Зийадом и его пленницей Хинд состоялся разговор, в котором она признается, что муж её Худжр ей ненавистен. Хинд давно хотела избавиться от нелюбимого супруга и воспользовалась удобным случаем своего пленения. Худжр не простил коварства и предательства своей жены Хинд и жестоко казнил её:

«...А жену свою Хинд Худжр привязал к двум лошадям, потом их погнали в разные стороны и они разорвали ее. Об этом он сказал:

Если кто после Хинд прельстится другою –

Тот слепой и глухой, неразумный малый.

Было сладким лицо ее и беседы,

Было горьким все то, что она скрывала,

Среди жёниц такой никогда не сыщешь,

Чтобы верно любила, не изменяла»⁴.

¹ Samum – goryachiy veter v pustine.

² Ayyam..., 2004. – S. 23–25.

³ Ibid. – S. 41–43.

⁴ Araviyskaya starina. Iz drevney arabskoy poezii i prozi / Pod red. B. Ya. Shidfar. – M., 1983. – S. 85–86. (perevod Vl. V. Polosina)

Заключение. Анализ показывает, что арабские племенные предания отличаются точным (порой до мельчайших подробностей) изображением действительной жизни, реальных конфликтов и ситуаций, героев и участников, живших тогда на самом деле. Иначе говоря, между реально существующим и изображаемым миром нет непреодолимого барьера, который присущ некоторым эпическим произведениям. Как следствие этого, в этих преданиях отсутствует свободный вымысел, потому что важным требованием к ним было требование соблюдения точности, что вообще присуще эпосу, и не только арабскому. Стиль «Аййам ал-араб», освещающий события и описывающий всех участников и другие детали, отличается экономичностью изобразительных средств. Все события и предметы описываются кратко, сжато, но очень насыщено, и обязательно имеют отношение к рассказу о конфликте, столкновении, мести и т.д. Главный принцип эпических повествований, в том числе и арабских племенных преданий состоит в том, что события излагаются в однолинейной временной последовательности, то есть нет здесь возврата в прошлое или «забегания» вперёд.

Если говорить о героях «Аййам ал-араб», становится очевидным, что описания внутреннего мира человека, его чувств и переживаний не были присущи арабской литературе раннего средневековья, так как человеческая личность не привлекала к себе столько внимания, чтобы стать объектом изображения. Ведь главным было изображение не людей, а поворотных событий и конфликтов, столкновений и войн, жизненно важных для племен. И поэтому характер героев симптоматичен, т.е. как бы сам по себе, он складывается из его действий и поступков, а не наоборот.

Относительно статуса арабских женщин доисламского периода, в преданиях можно найти множество примеров, свидетельствующих о почти равноправном положении и немаловажной роли бедуинки в жизни своего племени. Чувства и отношение бедуина к женщине выражаются в его поступках, которые говорят сами за себя: он яростно защищает честь матери, жены, сестры, родственницы или просто соплеменницы, но не прощает и жестоко наказывает предательство и измену. Предания не ограничиваются односторонней характеристикой женщины в доисламской Аравии, её идеализацией. Внешний облик женщины-бедуинки ещё не индивидуализирован, поскольку эпос, как жанр, ещё не знал искусства портрета и не достаивал женщину индивидуальной портретной характеристикой и раскрытием её внутреннего психологического мира. Иными словами, тип женщины ещё не наделён «индивидуальными» качествами, либо они умны, проницательны и добродетельны, либо – смелы, инициативны и самоотверженны или же – злы, хитры и коварны. Однако, об оттенках психологизма, глубокого раскрытия характера и внутренних переживаний, об изображении многогранности героев говорить ещё не приходится, ибо сложность человеческого характера не вписывалась в рамки традиционного героического содержания и устоявшихся способов изображения действительности.

Важно отметить, что в прозаическом арабском тексте джахилийского периода речь идет не о богах или сверхчеловеке, наделенном мифическими и сверхестественными качествами, а о простом человеке, бедуине, воине. Позже, уже в период распространения ислама в произведениях все больше речь идет о Всевышнем, много назиданий и наставлений. Еще одно отличие «Аййам ал-араб» от позднесредневековых литературных произведений заключается в их самобытности: здесь нет влияния индийской, древнеиранской, греческой литератур, как, например, в более поздних литературных произведениях.

Значит, с уверенностью можно сказать, что участники исторических событий доисламского периода являются героями как в широком, так и в узком понимании этого слова. Они реально существовавшие и прославленные герои поворотных событий в истории аравийских племен, они и действующие лица – герои народной памяти, получившие свое художественное воплощение в устных племенных преданиях, а в последующем ставшие прототипами литературных героев в классических и современных художественных произведениях.

XX АСР АРАБ ҲИКОЯНАВИСЛИГИНИНГ ТАРАҚҚИЁТИ

МУҲИДДИНОВА ДИЛАФРУЗ

Филология фанлари доктори, доцент, ТДШИ

Аннотация. Мазкур мақолада XX асрнинг иккинчи ярми Миср, Сурия, Ливан, Ироқ, Фаластин, Иордания каби араб мамлакатлари адабиётдаги ҳикоя жанрининг эволюцияси қиёсий-типологик, қиёсий-тарихий жиҳатдан таҳлил этилиб, ҳикоя жанрининг XX аср давомидаги тараққиёт йўли ишлаб ёритилган. XX асрда ижод қилган араб ёзувчиларининг ҳикояларини таҳлил этиши асосида жаҳон адабий жараёнидаги замонавий йўналиш ва оқимларнинг таъсири ва мослашув жараёни очиб берилган. Замонавий араб ҳикоячилигида ўрта аср араб насрига хос поэтик анъаналарнинг янгича ифода тарзи, қадимги Шарқ халқлари ҳамда юнон мифларига ижодий ёндашув масаласи акс эттирилган. Шунингдек, қадимги диний манбаларда келтирилган қиссаларнинг мавзу ва образларининг янгича талқинда берилганлиги ёритилган. Мақолада замонавий араб ҳикоячилигида «қисқа ҳикоя», «узун ҳикоя», «энг қисқа ҳикоя» каби шаклларининг мавзу қўлами ва поэтикаси таҳлил қилинган.

Таянч сўз ва иборалар: ҳикоя жанри, адабий жараён, поэтик анъана, замонавий йўналиш ва оқимлар, миф, қадимги диний манба, қисқа ҳикоя, узун ҳикоя, жуда қисқа ҳикоя.

Аннотация. Данная статья на основе сравнительно-исторического и сравнительно-типологического анализа прослеживает пути развития жанра рассказа Египта, Сирии, Ирака, Палестины, Иордании и Ливана XX века, раскрывает процессы взаимодействия и адаптации современных направлений и течений в рассказах современных арабских писателей XX века. Автор освещает методы использования присущих средневековой арабской прозе художественных традиций в сочетании с современными средствами выражения и изображения, творческой интерпретации мифов народов Древнего Востока и Древней Греции. В статье приведены новые интерпретации тем и образов рассказов из древних религиозных источников с целью художественно-эстетического отображения современной действительности, а также анализируются особенности тематики и поэтики современного арабского рассказа таких, как «короткий рассказ», «длинный рассказ», «очень короткий рассказ».

Опорные слова и выражения: жанр рассказа, литературный процесс, поэтическая традиция, современные направления и течения, миф, древний религиозный источник, короткий рассказ, длинный рассказ, очень короткий рассказ.

Abstract. This article traces the development of the twentieth-century short story genre based on a comparative historical and comparative typological analysis of the short story genre of Egypt, Syria, Iraq, Palestine, Jordan, and Lebanon, and reveals the processes of interaction and adaptation of modern trends and directions based on the analysis of short stories by Arab writers of the twentieth century. The author